

О. Б. Степанова

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ*

АННОТАЦИЯ. Современные селькупы ничем не отличаются от нас в эмоциональном плане: плачут и смеются, любят и ненавидят. Одни и те же причины вызывают у нас одинаковые эмоции. Однако если обратиться к селькупскому фольклору, понятных нам эмоциональных реакций у его героев вы не найдете. Зато обнаружите очень странные вещи: смех, сопутствующий смерти, крайнюю жестокость (к женщинам, детям, поверженным противникам) и отсутствие жалости, подмену любви биологической связью «по молоку» или практичностью и т. д. Эмоциональные странности селькупского фольклора вызваны иносказательностью фольклорных текстов, а также суровостью и вынужденным рационализмом селькупской жизни. Иносказательность недоступна для понимания сегодняшним сказителям и их аудитории, она восходит к очень древним народным представлениям об устройстве Вселенной и старой социальной организации селькупского общества. Разобраться в причинах специфического восприятия окружающего мира у селькупов — важная задача, ведь «прошлое уходит, и прошлое остается».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: селькупы, этнография, фольклор, мировоззрение, эмоции

УДК 398.1(=511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-52-58

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА — к.и.н., н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: stepanova67@mail.ru

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов).

Нынешние селькупы, так же как все мы, богаты на эмоции: плачут и смеются, любят и ненавидят. И причины эмоций у нас сегодня в общем-то одинаковые. Однако если обратиться к селькупскому фольклору, привычных эмоциональных реакций у его героев вы не найдете. А найдете очень странные вещи: смех, сопутствующий смерти, безжалостную жестокость (к женщинам, детям, поверженным противникам) и отсутствие понятия «любовь». Любовь женщины и мужчины подменяется рационализмом и практичностью, любовь между матерью и сыном — биологической связью «по молоку», дочери в селькупском фольклоре, как правило, вообще лишены родительской любви и т. д. Эмоциональная суровость (скудость) усиливается обыденностью, для общества фольклорных героев она — привычка, норма жизни.

Принято считать, что фольклор — зеркало общественных отношений, в нем закреплены нормы социального поведения и оценочные нормы, которые с его помощью транслируются из поколения в поколение. Так неужели у селькупов когда-то в порядке вещей считалось людоедство и детоубийство? Для того чтобы разобраться в эмоциональных странностях фольклора, следует прежде всего вспомнить об иносказательности фольклорных текстов. Но не той иносказательности, которая «добрым молодцам урок», а о более сложной, которую не смогут объяснить ни неподготовленный читатель, ни современные рассказчики-информанты. Насколько сложным может быть в своей иносказательности фольклор, первым показал В. Я. Пропп в монографии «Исторические корни волшебной сказки» (2005), им же было установлено, что степень иносказательности, зашифрованности текста зависит от его древности: в глубине веков человек воспринимал окружающую действительность совсем иначе.

Выявленную В. Я. Проппом схему перехода героем русских сказок границы этого и потустороннего миров можно смело назвать кросскультурной: она присутствует во всех первобытных охотничьих культурах и вставлена в контекст идеи о круговороте жизни и человеческом бессмертии. В селькупской мифологии схемы и механизмы перехода героя из одного мира в другой видны даже более отчетливо, чем в русских сказках. Суть их в следующем. Предкам селькупов Вселенная представлялась огромным животным (зверем, птицей), на спине которого жили люди. Умирая, они попадали через рот этого животного в его утробу — потусторонний мир, где их жизнь продолжалась в новом качестве. То есть, умирая, люди съедались животным-духом. Это животное обожествлялось и считалось божеством-первопредком, от которого человек вел свое происхождение. Исследователи зафиксировали у селькупов роды Орла, Глухаря, Кедровки, Журавля, Ворона, Медведя, Лебедя, Сороки, Сороги, Щуки, Окуня, Бобра и т. д. Е. Д. Прокофьева писала: «В фольклоре хорошо отражена родственная связь с предком-животным. Зачастую там герою помогают “люди его”, т. е. животные и птицы» (Прокофьева 1952: 97). Образ Вселенной и духа-предка мог быть антропоморфным, в частности представляться старухой. Со временем в представлениях селькупов духов стало больше, они «обмельчали», но при этом все остались людоедами. В каннибализме заключается определяющая черта духов и в то же время их главная функция — съесть человека при переходе (или для перехода) им границы миров — земного и потустороннего. Этим объясняется частое присутствие духа-людоеда в селькупских текстах, а также безжалостные акты неоправданной жестокости. Кроме того, смерть в фольклоре — это не конец всего и не ужасная трагедия, а лишь момент и способ перехода из одного мира в другой. Вдобавок описанная схема перехода снимает с селькупов подозрение, что когда-то, пусть даже в далеком прошлом, у них существовало реальное людоедство: людоедством, согласно селькупскому фольклору, занимались духи, а не люди. Идея круговорота жизни и схемы перехода границы миров рассматривались автором подробно в монографии «Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе» (Степанова 2010).

В прошлом селькупы имели дуальную социальную организацию, весь народ делился на две фратрии, две экзогамные половины, между членами которых заключались браки. Если углубиться в прошлое еще больше, фратрии были не фратриями, а двумя враждующими, как правило, соседними народами. В фольклоре и ритуалах отношения между фратриями описывались через противопоставление, в категориях «свой»/«чужой», «хороший»/«плохой», «добрый»/«злой». В селькупском фольклоре дух-людоед представлен, как правило, выходцем из той фратрии, которая противоположна фратрии главного героя, и является его родственником, тестем. Этот образ подчеркивает категоричность противопоставления фратрий — война с таким противником будет вестись до смертельного конца.

В сказке «Ичикечика и Черт» герой и его противник-людоед — родственники: «Ичикечика и Черт породнились. Черт взял в зятя Ичикечику. Ичикечика женился на чертовой дочери. Сколько можно враждовать. Внук уже. Черту неймется. Хочет он Ичикечику извести втихаря». По сюжету сказки Черт ставит на Ичикечику смертельные ловушки, а Ичикечика убивает мать Черта (Степанова 2017а: 256).

В сказке «Брат и сестра» похожая ситуация: «Нашлась брату жена у соседей, а сестре муж. Брат к себе поехал, а сестра осталась. Много ли, мало ли времени прошло — неизвестно. Только как-то привел назад брат свою жену. Говорит родителям: “Ленивая ваша дочь. Спать любит. От работы бежит. Назад берите. Как жили с ней, так и живите, а мне не нужна такая хозяйка”. Попрощался брат с сестрой и назад пошел. А в стойбище собрались все в доме родителей брошенной жены. Думать стали: что с сестрой его делать? Расставаться с ней жалко. В работе умелая, все у нее ладно получается. Одежду красиво и быстро шьет. Еду вкусно готовит. Но если по-другому смотреть, обидел их ее брат. Отказался от жены из их племени. Сестра почувствовала неладное, уж больно долго совет держат. А тут еще ребятишки по стойбищу бегают, разговоры ведут между собой: “Я ее пальчики съем. — А я печенью полакомлюсь. — Мне и косточек ее хватит”. Поняла сестра, что убить ее хотят, а потом в большом котле сварить. Вышла из чума незаметно» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 1870. Л. 54).

В фольклоре селькупов много сказок, где противник героя — дух, родственник и убийца (= людоед). Вот еще пример: «Дошел старый до реки, вытащил ветку, старуху ждет, та бежит из чума, кричит: “У нас беда! — Какая? — Олени стали подыхать. — Кто приходил? — Это с вашей стороны духи приходили, они, наверное, унесли”. А в те времена вокруг чума только олени да собаки гуляли, никого больше не было. Старый пошел по следу оленьих копыт. След его привел к чуму родни, это его зять все подстроил, чтобы стариков известить. Старик взял камень и бросил в костер своего зятя — это означает, что “я тебя отметил”, — и ушел. Старик разжег костер, ему духи говорят: так и брось, посмотришь, увидишь потом» (Степанова 2012: 21).

Таким образом, если декодировать селькупское фольклорное людоедство и сказочную жестокость, за ними обнаружатся следующие (глубинные) представления: 1) о социальной организации общества; 2) об устройстве мира и способах перехода границы миров.

Древними представлениями о мироустройстве, в которых смерть воспринимается лишь как способ и момент перехода из одного мира в другой, объясняются и странности, связанные в селькупском фольклоре со смехом. Здесь никто никогда не смеется по нормальным для современных людей причинам. Например, в одной из сказок *Лоз-хохотун (лоз-чега)* убивал людей, рассаживал убитых на скамьи (или насаживал их головы на колья забора) и распяливал им рот деревянными палочками, чтобы казалось, что люди хохочут (Пелих 1998: 60). *Лоз-медведь* (людоед) делал то же самое с нерадивой женщиной и ее непослушными детьми, придя к ним в дом в отсутствие отца

семейства (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2123. Л. 18; Степанова 2012; 2014). Мотив мнимо хохочущих мертвецов довольно распространен в селькупском фольклоре.

В записанном у пуровских селькупов тексте «Ягодка и соломинка» (или «Ягодка и травинка») ягодка умирает, лопааясь от смеха над сторевшей соломинкой (травинкой), и случается так всегда, когда приходит осень: «Жили вместе ягодка и травинка. Поспорили, кому вставить поутру и костер разжигать. Одна ленится это делать, и другая тоже ленится. Травинка утром встала, все не может костер разжечь. Разжигала-разжигала, пожелтела вся, как бы сама себя сожгла. Ягодка хохотала-хохотала над травинкой и лопнула. С тех пор так осенью бывает» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2270. Л. 8, 11).

Таким образом, смех и хохот в мифологической традиции селькупов не эмоция — они маркируют смерть, переход границы миров и выступают, как и людоедство, способом перехода.

Теперь рассмотрим тексты, в которых среди действий героев встречается плач. В тексте «Тосыльпоры» плачут маленькие дети, волшебным образом являясь в земной мир:

Говорит богач: «Семь моих жен не могут родить мне наследника. От кого родят мои жены мне сына в один день, за того я выдам свою единственную дочь». Многие хотели жениться на дочери богача, но в дом войти никто не решался, не хватало смелости. Потоптался *Тосыльпоры* у дверей и думает: «Что мне терять? Хоть погреюсь, может, поесть дадут». Вошел в дом, молча возле печки улегся. Вдруг просыпается *Тосыльпоры* от крика. Лежит, прислушивается. «Это ведь дети плачут», — подумал и вскочил на ноги. И правда, жены богача в эту ночь родили каждая по сыну. Доложили об этом хозяину города. Послал он своих слуг, чтобы привели к нему того мужчину, который ночевал у его жен (Степанова 2017b: 39).

В тексте «С огненным дыханием человек» плачет не только ребенок, появившийся в этом мире (опять же необычным способом), но и дети, которых герой видел, когда посещал мир потусторонний.

Ночью дед с той стороны говорит: «Давай посмотрим, если такой ты человек, огнем дышишь, нигде такого человека нет, чтобы в одну ночь у вас ребенок родился». Спать легли. Дочка говорит: «Как они уснут, иди на дорогу, на восток, в сторону, где солнце появляется... Впереди дети плакать будут — четыре или пять ребятишек. Ты возьми ребенка из люльки, которая на позолоченных цепях висит. Принеси эту люльку с ребенком. Других не хватай. Другие пусть сильно плачут, не бери. Возьмешь — иди обратно... не оборачивайся». Он пошел, взял, держит, но не оборачивается, помнит, что жена говорила. Пришел домой, люльку с ребенком поставил у жены, ребенок утром проснулся, плакать начал (Степанова 2012: 14).

В этих фрагментах плач, вне сомнения, как и смех, маркирует переход границы земного и потустороннего миров, а именно рождение человека, а также, видимо, готовность к рождению, если говорить о плачущих детях, которых герой видел по ту сторону границы. Фраза «ребенок плачет» используется как речевое клише, в которое вложен скрытый смысл.

В тексте «Смерть Пюнокоса» плач маленькой девочки-духа вызывается специально для того, чтобы выведать у ее отца-людоеда нужную информацию.

Обрадовалась женщина, что сын ее остался жив. «Что же мне делать?» — спрашивает мать. Сын ей и говорит: «Ты сейчас иди домой. Подложи дочке людоеда игольницу. Иглы начнут колоть — девочка

начнет плакать. А ты скажешь людоеду: «Почему эта девочка без сердца и печени плачет? Наверное, хочет знать, где у тебя сердце и печень. Потому и плачет. Раньше такого не было»». Пошла мать в землянку, так и сделала, как велел ей сын. Мальчик тем временем подобрался к трубе и слушает, о чем в землянке разговаривают: «Муж, — говорит женщина, — где ты прячешь сердце и печень? Слышишь, как дочь плачет. Хочет знать, где твое сердце и печень. — Мое сердце и печень далеко отсюда. Вверх по реке есть островок. Там построен лабаз на одном столбе, где и храню я свое сердце и печень». Женщина незаметно убрала игольницу из-под девочки. И та перестала плакать (Степанова 2017b: 48).

В этом примере плач объяснить сложнее, он тоже связан с переходом границы, но не так явно. Дело в том, что в представлениях селькупов все маленькие дети до появления у них зубов не считаются существами мира людей, они принадлежат миру духов. Пока у детей не вырастают зубы, они находятся в переходном состоянии, то есть в процессе перехода границы. Поэтому они часто плачут, и их плач легко вызвать. Такая у них особенность. Кроме этого, считается, что беззубые транслируют людям волю духов, чем и пользуются герои сказки.

В сказке с мотивом этиологического мифа через плач один из видов местных рыб — сороги — получает определенную особенность своей внешности: «Увидели сорожки: от матери одни косточки остались. Поняли они, что лиса их обманула. Заплакали они и плакали долго. С тех пор у сорожек глаза красные» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2189. Л. 6).

Справедливости ради нужно сказать, что некоторые герои селькупского фольклора откровенно горюют и плачут по своим погибшим близким (хотя чаще всего перед тем, как устроить вендетту). Автор не стала бы связывать этот плач с древней структурой мифа, а объяснила бы его более поздними наслоениями, пришедшими к селькупам от русских, или добавленной в текст эмоцией современных информантов-рассказчиков. В основе селькупских сказок нет ни жалости, ни страха, ни радости. Все герои поступают так, как должны поступать, все их действия предопределены взглядом народа на устройство Вселенной.

Еще одна странность селькупского фольклора: в нем ничего никогда не делается по любви. Нет текстов ни о любви мужчины и женщины, ни о любви детей и родителей. Объяснение этой странности, по мнению автора, уже не во всем будет иметь отношение к схемам и способам перехода границы миров, но тоже связано с архаическим мировоззрением — жестко рациональным взглядом на семью и семейные отношения. Такой взгляд присущ всем архаическим обществам, ведущим тяжелую борьбу за выживание в суровых природных условиях. О том, что условия тяжелые, говорит постоянство таких фольклорных мотивов, как голод и войны с соседями. Угрозы голода и войн заставляли общество признавать социальную роль мужчины важнее роли женщины, мужчина был в семье добытчиком (рыбаком и охотником) и защитником. От женщины требовалось родить и вырастить в первую очередь сына, а также быть хорошей хозяйкой, заботиться о муже и его родителях. Мужчина в селькупском фольклоре может долго выбирать себе женщину методом проб и ошибок, возвращая плохих жен обратно их родителям или просто бросая. Он имеет такое право и часто им пользуется. Неверную жену в фольклоре всегда убивают, при этом интимная связь мужчины-охотника с лесной хозяйкой оценивается скорее положительно. Нередко ленивую женщину наказывают духи или само провидение. Превосходство мужчины над женщиной встречается в селькупском фольклоре постоянно. Существует цикл текстов о Томнанке — нерадивой хозяйке, имеющей дочь, злой ведьме-лягушке. В злых духов в селькупских сказках превращаются дочери, а не сыновья. Злой дух всегда имеет дочерей, а не сыновей, дочерей этих, как правило безвинных, герой обязательно убивает. Да и тещам в селькупских сказках тоже достается. Мотив убийства

тещи или будущей тещи зятем или женихом встречается очень часто. Мать героя обычно имеет положительную характеристику, но и ее отношения с сыном объясняются лишь как связь «по молоку» и как обязанность героя кормить мать, когда та станет старухой: матери, не имеющие сына, в фольклоре обязательно голодают. И нигде, ни в одной из категорий родственных отношений, не говоря уже о неродственных, никакой любви — сплошной рационализм.

Здесь уместно повторить, что речь в данном случае идет не о современных селькупках и их взгляде на вещи, а об их древних предках, чье мировоззрение ничем не отличалось от мировоззрения древних русских, например. Нынешние селькупы сами не понимают многого в своих сказках. Мне приходилось сталкиваться с тем, что рассказчики-информанты извинялись за жестокость текста или пытались изъять из него неприятный, с их точки зрения, фрагмент.

Вопросы эмоциональности в селькупском фольклоре до сих пор никем не рассматривались. В анализе автор опиралась на уже упомянутое исследование В. Я. Проппа, а также на свои разработки по селькупскому фольклору (Степанова 2006; 2007а; 2007б; 2007с; 2007д; 2008; 2010; 2012; 2014; 2017а; 2017б). Анализ проводился на основе преимущественно того корпуса фольклорных текстов, который был собран автором во время экспедиций к северным селькупам.

Итак, селькупский фольклор лишен эмоций в общепринятом смысле этого слова, в нем отсутствует понятие душевных переживаний, потому что душа в представлениях селькупов материальна, ест и пьет. Под душой селькупы понимают жизненное начало человека, в первую очередь тело, которое «ходит» по мирам Вселенной, рождаясь в одном и умирая в другом. Фольклор селькупов метафоричен, и в главных человеческих эмоциях заключены метафоры жизни и смерти, перехода границы миров. В фольклорных метафорах запечатлелась также старая социальная организация селькупского общества. Безэмоциональность фольклора вызвана рационализмом селькупской жизни, связанным с суровостью окружающей среды. Разобраться в причинах специфического восприятия окружающего мира у селькупов — важная задача, ведь «прошлое уходит, и прошлое остается».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2123. Полевые материалы О. Б. Степановой: экспедиционная поездка 01.09.2012–14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области.

Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2189. Материалы экспедиции О. Б. Степановой в Пуровский район Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа, состоявшейся в сентябре 2013 г.

Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2247. Степанова О. Б. Материалы экспедиции в Туруханский район Красноярского края, состоявшейся в сентябре 2014 г.

Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 2270. Материалы экспедиции О. Б. Степановой в Пуровский и Красноселькупский районы Ямало-Ненецкого АО в июне 2015 г.

Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998.

Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. С. 88–107. (ТИЭ. Новая серия. Т. 18)

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.

Степанова О. Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 52–55.

Степанова О. Б. Медведь как образ матери-предка и души человека в традиционном мировоззрении селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007а. С. 206–215.

Степанова О. Б. Мифологический образ матери-дерева в традиционном мировоззрении селькупов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007b. № 3. С. 115–118.

Степанова О. Б. Представления о бестелесной и нематериальной душе в традиционном мировоззрении селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007c. С. 281–289.

Степанова О. Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб., 2007d. С. 182–198.

Степанова О. Б. Об одной из категорий образов души у селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году. СПб., 2008. С. 291–301.

Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., 2010.

Степанова О. Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12. СПб., 2012. С. 5–31

Степанова О. Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (5). С. 124–131.

Степанова О. Б. Знай свое место: традиционные социальные отношения селькупов по материалам фольклора // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность. СПб., 2017a. С. 246–309.

Степанова О. Б. Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Часть II // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. СПб., 2017b. С. 37–67.

EMOTIONS IN SELKUP FOLKLORE

ABSTRACT. Modern Selkups do not differ from us emotionally: they cry and laugh, love and hate. Same reasons evoke the same emotions in us. However, if we look into Selkup folklore, we will not find in its characters any emotional reactions that would appear reasonable to us. On the contrary, we might find very strange things: laughter amid death, extreme violence (towards women, children or defeated opponents) and lack of pity, substitution of love with biological ties or practicality. The emotional oddness of Selkup folklore can be explained by the allegorical character of folklore texts, as well as the severity and forced rationalism of Selkup life. Allegory is incomprehensible for the modern narrators and their audience and is rooted in the most ancient folk ideas about the structure of the universe and the social organization of early Selkup society. Understanding the reasons behind the specific perception of the world among the Selkup is an important task for a modern scholar, since “the past is gone, and the past remains”.

KEYWORDS: Selkup, ethnography, folklore, philosophy, emotions

OLGA B. STEPANOVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: stepanova67@mail.ru